

*И снова мысль растёт, кружась,
Объемля череп – круг гончарный,
И с тайным утвердилась связь,
Как с глины свойством изначальным.*

Л. С.

Венок

«Плету на гроб себе венок...»

1

Глаголет время нашими устами,
Но внятный смысл не нужен никому.
Что люди, даже ангелы устали
От тьмы словес, стремящихся во тьму.
Терялись дни. Пустели птичьи станы.
Уже казаться стало, что пойму
И тягу листьев к свежему холму,
И звон в ушах, и шёпот над крестами...
Всё то, что нам порой не суждено
Постигнуть, умерев. И лишь по хвое
Плывя и отвергая всё живое,
Почуешь вдруг: рифмуя жизнь, чудно,
Стремленье к рифме? гармоничней вдвое!
Ему что мёд, что дёготь – всё одно.

2

Ему что мёд, что дёготь – всё одно.
Как пожиратель образов культурных,
Оно игрой бандюг увлечено
Не меньше, чем героев на котурнах.
А нет героя? Что ж, берёт зерно
И, схоронив в полях литературных,
Ждёт, как оно на сагах да ноктюрнах
Растёт и превращается... в бревно.
Лиса: «Какую пьесу ни поставим,
А всё мертво». Кот, плача: «Балаган!»
Поёт: «О дайте, дайте мне наган...»
Лиса: «Наган? Здесь шпаги не из стали!»
Сцепились, рвут друг друга, шум и гам –
Оберегай, спрягай, меняй местами...

3

Оберегай, спрягай, меняй местами –
Покуда все, как дети, гомонят,
Покуда гладко-голо не предстали

Уложенными в поглагольный ряд:
Бесхвостые и с длинными хвостами,
Причастные к чему-то и навряд...
Искусство строчки перейдёт в наряд,
Кроящийся умелыми перстами.
О время, ты на всех, как полотно,
Сидишь своей изнанкой иль основой!
По Лагерной блуждая, по Крестовой,
По Столбовой, когда совсем темно,
На сноске спотыкаюсь я, как новой:
Род или вид – не пощадит оно.

4

Род или вид – не пощадит оно,
Но мне-то что от вида или рода?
Хоть облачён во времени рядно,
Как в плотские мученья Квазимодо,
Хоть и живу на родине я, но
Не узнаю ни церкви, ни прихода.
Помимо снега, лишь чужая мода,
Чужие речи, чуждое кино...
Здесь можно бы и кончить на октаве,
Но женский род лишь этого и ждёт.
Вот кончу здесь, и вымрет весь народ
Читающий. Поэт кончать не в праве –
Вот парадокс! И что там вид иль род,
Где слово? – На иудиной подставе.

5

Где слово? – На иудиной подставе:
«Сдаю дрозда»... «целую нежно в лоб»...
«ЧП Харон: мочу на переправе»...
«В кафе Анчарь... и порчу, и озноб»...
«Подайте брату рушкому» – картавя...
«С утра на роль Карениной, для проб»...
«Плету венки на свадьбу и на гроб»... –
Ну где, когда, в каком ещё астрале
Нам втюхивали это толокно?
Спой, Хрюша, «спят усталые людишки» –
Пока от крыши далеко до крышки,
Нет лучше средства улететь в окно.
Там некто наши ведаёт делишки
И молча бродит или пьёт вино.

6

И молча бродит или пьёт вино
Средь Буратин, не давших яблок Некту.

Ужели всё навек обречено?
И скоро поведут на суд к Префекту.
На мировое опускаясь дно,
Не уступить унынию иль аффекту
Так трудно. Будто вместо церкви в секту
Попал, а там от мертвецов – черно.
Ещё и намекнут: в себе ль, милейший,
Играть на все извольте в казино.
Вы что-то о любви... о ней умно
Вам в чайна-тауне станцуют гейши.
Потом на «ты», как загодя к умершим:
Юродивинка, наша ты давно!

7

Юродивинка наша, ты давно
Своим серпом пугаешь иностранцев.
Приедет, скажем, под Бородино
Любезнейший француз, учитель танцев,
С клеветкой – тонкой, как веретено.
Покрутятся в леске и возле шанцев,
А там уж шайка юных оборванцев,
Играющая в «слабое звено»:
«Эй, дядя, что вы к женщине пристали?
Здесь много лет назад Наполеон
Пристал к столице и понёс урон!»
И так серпом причешут куст, что краля
Уж брошена одна считать ворон,
Излишня, как божок на пьедестале!

8

Излишня, как божок на пьедестале,
Слепая Правда с факелом в руке.
Нас выгоды её уже достали!
Что взвешивать, коль жизнь на волоске?
Мне звёзды не за доллары блистали,
И не за золото, накоротке,
Встречал лучей, плывущих по реке,
Я утренние розовые стаи.
Там, в оны дни отсутствия нажив,
На отмелях речного поворота,
Меня учили камешков долота
Упругой мере слов. И, как ножи,
Немые рыбы пели безо лжи:
В поэзии не мера полорота...

9

В поэзии не мера полорота:
В дыму, в огне, в сияньи, в кружевах...

Нет ни звезды, ни женщины – всего-то
Какой-то сор, горящий на словах.
На деле – то ж усердье рифмоплёта,
Заслышавшего общий шум в ветвях
И жаждущего: как бы к слову «страх»
Приладить ощущение полёта?
Всё небо тлело в розах огневых –
Без разницы, Россия или Ницца.
Как будто бы взялось осуществиться
Обещанное, но огонь «шутих»
Иссяк. – Не райская спускалась птица,
А перебор приёмов записных.

10

А перебор приёмов записных
Не раскрывает образа. Приёмов
Легко добиться, только вот от них
Такой же прок, как от Фомы с Ерёмой.
Кто эти двое, может, на двоих
Соображали? Всё покрыто дремой.
А может, вместе к Фенечке ядрёной
Пошли и там решили «на троих»?
Приём о том не булькает ни звука,
Кто сватом был, а кто «из двух» жених.
В себя приём уходит, будто псих,
И жаждет повторений – вот в чём мука,
Вот почему так часто сходит с рук, а
Не через губы возникает стих.

11

Не через губы возникает стих
И не изгнанник проклятой эпохи.
Она проходит, требуя шумих, –
Он тихо обездолен, как все лохи.
Не крут, но отрицает власть крутых,
Безвестен, но дела его не плохи,
Коль вдохновенны выдохи и вдохи,
Как результат смирений золотых.
Такому Ладе не страшны тенёта,
Он лишь любовью сердца уловим.
Но даже автор расстается с ним:
Как для музыки замирает нота,
Как Бога ищет грешный пилигрим, –
Он движется сквозь времени ворота.

12

Он движется сквозь времени ворота,
Реален, как конкретный соловей:

На слух маэстро, а поймай на фото –
Невзрачная свистулька без затей.
Природа знает силу окорота,
Упругость сжатой формы, только в ней
Так тесно – и поэтому вольней,
Мучительней о счастье петь охота!
И вот звучит... На листьях облепих
Боярышницы млеют. Серебристо
От тополей и ландышей – монисто
Надела ночь. Окрестный мир притих,
Как паучок с крестом евангелиста,
Высвобождаясь из потуг своих.

13

Высвобождаясь из потуг своих,
Плодит сегодня время не героев.
«Купи-продай», как поголовный свих,
Грозит, что мы самих себя зароем.
Иль ради взяток, шмоток, чаевых
Заделаемся клерками, всем роем
Мы свой, мы наш, мы новый мир построим,
Давясь пыльцой разрух-неразберих.
И станет верхом творчества работа,
И будет богом быт, что всех заел.
И временем – поток привычных дел.
И счастьем – ощущение оплота...
Ещё бы этого от нас хотел
Уверенный, что обретёт кого-то!

14

Уверенный, что обретёт кого-то,
Жалеет, любит нас и бережёт.
Вздыхает, будто автор «Идиота»,
Иль в русской печке снова души жжёт.
А мы всё ждём иного оборота,
Как будто что-то знаем наперёд.
Наивный до беспамятства народ,
Глотнувший всласть водицы из болота!
Готовы из-за разной ерунды
Бодаться и валяться под кустами
Упившись – право, что бы случилось с нами,
Когда б на свете не было беды?
Как струи мёртвой и живой воды,
Глаголет время нашими устами.

.....Акромагистрал

Глаголет время нашими устами,
Ему что мёд, что дёготь – всё одно.
Оберегай, спрягай, меняй местами
Род или вид – не пощадит оно.
Где слово? – На иудиной подставе
И молча бродит или пьёт вино.
Юродивинка наша, ты давно
Излишня, как божок на пьедестале.
В поэзии не мера полорота,
А перебор приёмов записных.
Не через губы возникает стих –
Он движется сквозь времени ворота,
Высвобождаясь из потуг своих,
Уверенный, что обретёт кого-то.